

А. С. ЛОБАНОВА, Е. А. ЦЫБИНА
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА КАК ЧЛЕНЫ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КОМИ-
ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА)

Вопросы синтаксиса для многих финно-угорских языков до сих пор остаются малоизученными. В этом ракурсе коми-пермяцкий язык не является исключением. Многие положения в курсе школьной грамматики представляют копии с синтаксиса русского языка; вузовского учебника, посвященного анализу данного раздела языкознания, нет. По этой причине любые исследования в области коми-пермяцкого синтаксиса, на наш взгляд, являются особо актуальными.

В качестве дискуссионной проблемы мы предлагаем свое видение вопроса о синтаксической роли изобразительных слов в современном коми-пермяцком языке.

Так называемые изобразительные слова, широко представленные в пермских языках (коми-пермяцком, коми-зырянском и удмуртском), в некоторой мере присутствуют и в русском языке. Иначе их принято называть еще звукоподражаниями.

В русском языкознании звукоподражания рассматриваются как «неполнозначительная часть речи, служащая для имитации (подражания) звуков живой и неживой природы и тем самым создающая представления о процессах, признаках и предметах реального мира» [Совр. русский язык: Теория. Анализ языковых единиц 2001: 219].

В научной и учебной литературе по-разному классифицируется эта группа слов. Одни исследователи рассматривают их в составе междометий [Русская грамматика т. 1 1980: 732], другие настаивают на том, что звукоподражания – это самостоятельный класс слов [Русский язык: Энциклопедия 1978: 87-88].

Основным критерием, по которому разграничивают междометия и звукоподражания, является их категориальное значение: междометия выражают эмоции, звукоподражания воспроизводят звуки живой и неживой природы. Трудности возникают в тех случаях, когда слово, с одной стороны, воспроизводит характерные для отдельной ситуации звуки, а с другой стороны – указывает на определенные чувства. К таким относятся *ха-ха-ха*, *хи-хи-хи*, *ох-ох-ох* и др. Подобные случаи иногда рассматривают как явление синкретизма в системе междометий и звукоподражаний.

Относительно синтаксической роли звукоподражаний в русском языке можно сказать, что они в составе предложения встречаются в качестве различных членов предложения: подлежащего (*Доктор уходит, свеча тухнет, и опять слышится бу – бу – бу.*) (А. Чехов), сказуемого (*Обыкновенно я принесу им чай в кабинет, а они там бу – бу – бу.*) (А. Н. Толстой), дополнения (*Но бестолковая кукушка, самолюбивая болтушка, одно ку-ку свое твердит.*) (А. Пушкин).

На возможность выступать в составе предложения в качестве самостоятельного его члена мы будем опираться при определении синтаксической роли изобразительных слов в коми-пермяцком языке.

Мы склонны утверждать, что данная группа слов в составе предложения может выступать не только в качестве сказуемого (согласно мнению А. С. Кривошековой-Гантман), но и в качестве других членов предложения.

Предлагая данное положение, мы опираемся на лингвистический материал коми-пермяцкого языка, на теоретические указания относительно подобной проблемы в близкородственных языках, а также на практику определения синтаксической роли изобразительных слов в русском языкознании.

Следует отметить, что в близкородственном коми-зырянском языке синтаксическая роль изобразительных слов определена сравнительно давно. Эта группа слов встречается в роли любого члена предложения [Сахарова 1949: 33-42].

Напомним, что природой коми-пермяцких изобразительных слов (семантика, звуковые особенности, синтаксическая роль) интересовалась А. С. Кривошекова-Гантман. Этой проблеме она посвятила две статьи: «Изобразительные слова» (1962) и «Место изобразительных слов в системе частей речи коми-пермяцкого языка» (1964). В отличие от других лингвистов по коми-зырянскому и удмуртскому языкам, она относит изобразительные слова в самостоятельный лексико-грамматический класс слов. К этому выводу исследователь приходит в результате анализа названных слов с точки зрения общепринятых в языкознании принципов (лексико-грамматическое значение, морфологические показатели и синтаксическая функция).

А. С. Кривошекова-Гантман обращает внимание на следующие отличительные признаки изобразительных слов:

1. Изобразительные слова не являются названиями и не связаны с понятиями, а лишь уточняют признаки действий, состояний условным изображением природных звучаний или образов.

2. По своим морфологическим свойствам изобразительные слова относятся к неизменяемым словам: они не склоняются и не спрягаются. При полной неизменяемости изобразительные слова не имеют никаких словообразовательных суффиксов и не соотносимы по происхождению ни с какими частями речи (за исключением некоторых образоподражательных слов, напр.: *ниль* – *нильыг* «скользящий», *шон* – *шоньт* «теплый»).

Изобразительные слова обнаруживают свои грамматические признаки в характере связей с другими словами в сочетании и предложении, а, следовательно, в их синтаксической роли.

Коми-пермяцкие изобразительные слова, подобно наречиям, в предложении чаще всего примыкают к глаголу, реже – прилагательному. Глаголы, с которыми употребляются интересующие нас слова, А. С. Кривошекова-Гантман подразделяет на лексически ослабленные и лексически полнозначные, в зависимости от степени реализации их лексического значения в сочетании с изобразительным словом.

В качестве дополнения следует отметить, что изобразительные слова в речи могут выступать и независимо от других слов, напр. *Гырс* – *гырс...* *Гырс* – *гырс!* *Неужели шыр?* (В. Баталов) «Гырс – гырс... Гырс – гырс! Неужели мышь?»

В качестве еще одной отличительной черты исследователь отмечает способность изобразительных слов сочетаться только с небольшим количеством глаголов (глаголы, обозначающие пере-

движения, активную деятельность лица и др.), в частности, она пишет: «Способность изобразительных слов воспроизводить звучания, сопровождающие действия, состояния, создавать образы движений, состояний, качеств отграничивает их сферу употребления рамками слов, обозначающих лишь такие действия, состояния, качества, которые могут создавать звучания или внушать человеку тот или иной зрительный образ» [Кривошекова-Гантман 1964: 117]. Иными словами, А. С. Кривошекова-Гантман считает, что изобразительное слово как бы прикреплено к определенному глаголу и вместе с ним составляет семантически неразложимую единицу – изобразительный фразеологизм. Приведенный выше пример (аналогичные речевые ситуации встречаются достаточно часто, и эти явления являются литературными вариантами), когда изобразительное слово выступает в качестве самостоятельной единицы, позволяет не соглашаться с выдвинутым лингвистом мнением. Вместе с тем, следует признать, что так называемые изобразительные фразеологизмы коми-пермяцкий язык, действительно, знает, напр. *дзуз видэны* в зн. «чуть-чуть виднеться», *пот мунны* в зн. «сильно испугаться» и др.

С большой уверенностью можно утверждать, что значительное количество изобразительных слов современного коми-пермяцкого языка сочетается с различными глаголами, так как разноплановые действия могут сопровождаться сходными звуками. Сравните: *Чиж* – *важ сотчыны* «с треском сгореть (о дровах)»; *чиж* – *важ пилитчыны* «с визгом пилить»; *чиж* – *важ косясьны* «с шумом порваться (о ткани)» и т.д.

С другой стороны, один и тот же глагол может сочетаться с различными изобразительными словами в зависимости от того, какой звуковой или зрительный образ создает производимое действие, напр.: *шняп – шняп сёйны* «есть, причмокивая», *марс – марс сёйны* «есть жадно и много (о скотине)», *куж – каж сёйны* «есть с хрустом что-либо твердое» и т.д.

3. Своеобразная синтаксическая роль изобразительных слов, которая проявляется в том, что в предложении они выступают не в функции самостоятельного члена, а лишь в единстве с тем знаменательным словом, к которому относятся (в качестве знаменательного слова может выступать лексически ослабленный глагол, лексически полнозначный глагол или прилагательное) [Кривошекова-Гантман 1962: 66].

Остановимся на этом пункте более подробно. Автор считает, что изобразительные слова и глаголы с ослабленным лексическим значением, употребляясь в составе предложения вместе, составляют синтаксически неразложимое сочетание. Среди таких глаголов употребляются *керны* (в самостоятельном значении «делать, сделать») *тяк керны* «ударить чем-либо один раз», *видзны* (в самостоятельном значении «держать») *бель видзны* «виднеться чему-либо белого цвета», *мунны* (в самостоятельном значении «идти») *пач мунны* «чему-то с треском разбиться» и др.

Напомним, что в коми-зырянском языке такие сочетания принято писать слитно (*шынькерис* «он улыбнулся», *быльвидзны* «виднеться», *кышакывны* «шуршать») и вторую часть слова считать вторичным суффиксом (Современный коми язык 1955: 249).

Аргументируя, что изобразительное слово и лексически ослабленный глагол составляют синтаксически неразложимое сочетание, А. С. Кривошекова-Гантман опирается на то, что это сочетание всегда можно заменить производным от изобразительного слова глаголом, напр.: *швыч да швыч керны – швычнитны* «хлестнуть чем-либо», *шынь мунны – шынявны* «улыбаться», *лег-лег керны – легнитны* «потрясти» и т. д. В данном случае исследователь изобразительным словам отводит роль сказуемого, с чем мы полностью согласны. Хотя, вынуждены оговориться, что данное положение (замена изобразительного слова и лексически ослабленного глагола производным глаголом) действует не всегда. Так из сочетания *пот мунны* в значении «сильно испугаться, волноваться» нет возможности образовать глагол.

Далее автор признает, что, употребляясь с лексически полнозначными глаголами, в ряде случаев изобразительные слова по весу в предложении сходны с обстоятельственными словами, «однако обстоятельствами такие слова считать нет оснований и в подобных случаях, так как они не выполняют их роли: не выражают ни места, ни времени, ни причины, ни цели, ни образа действий» [Кривошекова-Гантман 1962:67]. Тяготение изобразительного слова к сфере лексики полнозначного глагола автор доказывает тем, что из сочетания изобразительного слова с лексически полнозначным глаголом легко можно образовать парный глагол, напр.:

Ризя-вопка усьны – ризьнитны-усьны «валиться с треском (о срубленном дереве), *марс-марс сёйны – марскыны-сёйны* «есть с шумом (о скотине)» и др. В связи с этим возможен вопрос: как образовать парный глагол, если изобразительное слово в предложе-

нии уже сочетается с парным глаголом (такие ситуации довольно часто встречаются в коми-пермяцком языке). Например, *Тульски-больски ми, челядэк, чеччалім-пырим ваас* (Т. Фадеев). «Тульски-больски (звуковой образ плещущейся воды) мы, дети, запрыгнули-воцли в воду». В данном случае изобразительное слово *тульски-больски* и парный глагол *чеччалім-пырим* нельзя заменить новым парным глаголом. Принимая во внимание эту ситуацию, доводы А. С. Кривошековой-Гантман не можем считать неоспоримыми и единственно верными.

В случаях самостоятельного употребления изобразительного слова в составе предложения исследователь все равно настаивала на том, что данное слово не может быть полноправным членом предложения [Кривошекова-Гантман 1964: 120].

Подобной точки зрения придерживались авторы пособия «Методические указания по коми-пермяцкому языку» (на родном языке) Е. Ботева, З. Тудвасева, Н. Полуянова [1991: 116-119]. Следует заметить, что в качестве доказательств в названном сборнике приведены примеры, специально подобранные к поддерживаемой ими точке зрения, а интереснейшие моменты, оспаривающие данный вывод, оставлены без внимания.

В коми-пермяцком языке спектр употребления изобразительных слов очень широк. Попытаемся на конкретных примерах доказать, что данная группа слов способна выполнять функции различных членов предложения.

Изобразительное слово – сказуемое

Изобразительное слово и лексически ослабленный глагол (*керны* «сделать», *видзны* «держать», *мунны* «идти» и др.), как пра-

вило, составляют единое, неразложимое сочетание, которое в предложении выполняет функции осложненного простого глагольного сказуемого.

Примеры: *Трин-бран только рез-паз муніс стеклоис* (М. Лихачев). В значении «Со звоном на мелкие кусочки разбилось стекло» (дословно «Трин-бран только рез-паз ушло стекло»).

Ёна кутіс агрономлісь кисё Рыжик да размёд съдлёмсянь лег-лег керис (М. Лихачев). «Крепко взял Рыжик руку агронома да несколько раз от всего сердца пожал её» (дословно «лег-лег сделал»).

Марфа Петровна мыйкё дырна лёнь керсис. «Марфа Петровна на некоторое время притихла» (дословно «Марфа Петровна какое-то время тишина сделалась»).

Только ёшыннэс дзуз видзёны. «Только окна еле светятся» (дословно «Только окна дзуз держат»).

В каждом из рассмотренных примеров основное лексическое значение содержит изобразительное слово, при котором лексически ослабленный глагол выступает в роли обычного грамматического форманта. Иными словами, изобразительное слово получает возможность выполнять функцию главного члена предложения – сказуемого. Сочетание «изобразительное слово и лексически ослабленный глагол» можно заменить (хотя далеко не всегда это было отмечено выше) производным изобразительным глаголом, хотя при этом утрачиваются некоторые семантические и грамматические признаки, характерные в целом для сочетания. Наблюдения над особенностями языка позволяют сказать, что сочетания изобразительного слова с лексически ослабленными глаголами *керны*, *мунны* чаще поддаются замене производным изобразительным глаго-

лом, чем сочетание, вторым компонентом которого является *видз-ны*.

В данном аспекте следует указать на одну особенность, присутствующую коми-пермяцкому языку, но возникшую, по всей видимости, под влиянием русского языка. В отдельных случаях глаголы *керны*, *мунны* нельзя рассматривать как лексически ослабленные, поскольку они выступают в своем прямом значении, соответственно «сделать» и «идти», а изобразительные слова чаще всего выполняют функции обстоятельства образа действия. Приведем примеры: *тяп-ляп керны* «сделать тяп-ляп» (в зн. «плохо»), *кромлик-кромлик мунны* «кромлик-кромлик идти» (в зн. «идти хромая»).

Изобразительное слово, употребляясь в значении глагола, употребляясь вместо изобразительного глагола, может самостоятельно выполнять функцию простого глагольного сказуемого. В качестве иллюстрации предлагаем следующие примеры: *Виль нинкӧммез аслым кыя, коточикӧн шват да шват* (Н. Попов). «Новые лапти себе плету, кочедыком шват да шват» (в зн. «постукиваю»).

Ачыс рявк да рявк, коккезнас топ да топ, кулаккэзнас гым да гым. «Сам кричит, ногами топает, кулаками стучит» (дословно «Сам рявк да рявк, ногами топ да топ, кулаками гым да гым»).

Ефрем вылісянь швыр да швыр ны вылӧ, мый ки увтас шедас (М. Лихачев). «Ефрем сверху бросает на них, что под руку попадет» (дословно «Ефрем сверху швыр да швыр на них, что под руку попадет»). Во всех приведенных примерах изобразительное слово легко можно заменить изобразительным глаголом.

Аналогичные примеры в речи коми-пермяков встречаются довольно часто. Эти предложения или выражения, как правило, несут большую эмоциональную нагрузку, чем примеры с сочетанием и изобразительного слова, и глагола в одном предложении. В них присутствует семантика субъективизма, проявляется настроение говорящего.

Мы склонны считать, что изобразительное слово может выступать в качестве именной части составного именного сказуемого. Таких примеров относительно мало. *Петра жаг, лэздыр-баздыр, кыдз пугаг, тувдӧмкодъ и эм, мый сэсса шуан* (М. Лихачев). «Петр медлителен, лэздыр-баздыр, словно червяк, как будто онемевший, что ещё скажешь».

Быдмӧмыт поти сувда, а мывкыдыт юрат торс-торс, кыдз потӧм кашникын (М. Лихачев). «Вырос словно жердина, а ума в голове нет, словно в разбитой кринке» (дословно «Вырос словно жердина, а ум в твоей голове торс-торс, словно в разбитой кринке»).

Изобразительное слово – подлежащее

Изобразительное слово может выполнять функции подлежащего. Рассмотрим некоторые примеры. *Бутки-батки вартӧ лым, мӧд посадӧдз кылӧ гым* (Ф. Истомин). Дословно «Бутки-батки (громко, с шумом) бьет снег, до другого села слышится гым (шум)».

А то овлӧ эшӧ сідз, что «хлысь-хлысь-хлысь» паськалас омӧн ты весьтын (Т. Фадеев). «А то бывает еще так, что «хлысь-хлысь-хлысь» разнесется над всем озером».

Негора тук-тук, тук-тук-тук кылс кадсь кадö керку пельöс сайсянь. «Негромкое тук-тук, тук-тук-тук доносилось время от времени из-за угла дома».

Подобные структуры предложения характерны и для русского языка.

Изобразительное слово – дополнение

В нашем распоряжении есть примеры, когда изобразительное слово выступает в качестве прямого дополнения при переходном глаголе. *И вдруг одзам кыла: «Кук-ку, кук-ку»* (В. Баталов). «И вдруг впереди слышу: «Кук-ку, кук-ку».

Рудкай перыта зэгнитс юрнас, гора шыасис «чив» (Т. Фадеев). «Воробей быстро встряхнул головой, громко сказал «чив».

Выступая в качестве косвенного дополнения, изобразительные слова начинают походить на субстантивированные имена; они, как и любые другие имена существительные, получают показатели падежа, числа и лично-притяжательности. Например, *Трин-тронся нем эз позь кывны*. В значении «Кроме звуков трин-трон ничего не было слышно». Здесь изобразительное слово *трин-трон* стоит в сравнительном падеже с падежным суффиксом –ся.

Изобразительное слово – определение

В качестве определения изобразительные слова встречаются сравнительно редко. Это объясняется тем, что они (изобразительные слова) качество предмета в коми-пермяцком языке передают значительно реже. Для них больше характерна семантика, связан-

ная с особенностями передачи исполнения, протекания действия или состояния. Приведем некоторые примеры. *Кышис (старука) вытас рызи-бызи зипун да котöрöн мунис Кона Егор керкуö* (И. Минин). «Накинула (старуха) на себя рыз-быз (в зн. «старый, изношенный») зипун да бегом пошла в дом Кона Егора».

Летки-петки нинкөммез арбыт кыскалі. В значении «Старые (летки-петки) лапти всю осень таскала-носила».

Лювья-лявья коросьöн пывси. В значении «Неудобным, ветвистым (лювья-лявья) веником парилась».

Изобразительное слово – обстоятельство

В данной функции изобразительное слово встречается очень часто, после сказуемого они в речи носителей языка наиболее частотны. Как правило, это обстоятельство образа действия или обстоятельства степени. Остановимся на некоторых примерах. *Сэтöн жö ми гира-гара кайим постуэз кузя, осьтім замокалöм ыбöс, пырим* (Т. Фадеев). «Тут же мы с шумом (гира-гара) поднялись по ступенькам, открыли запертую дверь, вошли».

Сунбан-сунбан Данько чеччис, петис джодж шöрас... (М. Лихачев). «Пошатываясь (сунбан-сунбан передает зрительный образ действий пьяного человека) Данько встал, вышел на середину пола...».

Пондс вуджны потшö, но кокыс кышасис, кизс мезмисö, и цыганка тур-бар усис йөр саяс (В. Баталов). «Стала переходить через забор, но нога зацепилась, руки разжались, и цыганка, кувыркнувшись, (тур-бар) упала».

Далее приведем примеры, в которых так называемые образозобразительные слова являются обстоятельствами степени. Эти варианты интересны в том плане, что образозобразительные слова в разных контекстах могут менять свое положение: то занимать препозицию по отношению определяемого ими слова, то – постпозицию. Сравним: *Люзь ва паськёмись шонытнын кайис пар*. В значении «От совершенно мокрой одежды в тепле поднимался пар». – *Этасянь удёрся паськёмё вамис люзь* (Т. Фадеев). «От этого мое нижнее белье промокло совсем (насквозь) (люзь)».

Пужмалём, кажитчё, что муыс тон-тон кымём. «Заиндевело, кажется, что земля сильно (тон-тон) застыла». – *Пруд вылын йы талун кымём тон-тон*. «На пруду лед сегодня замерз сильно (тон-тон)».

Таким образом, приведенный здесь языковой материал по коми-пермяцкому языку позволяет утверждать, что образозобразительные слова (звукоподражательные и образозобразительные) могут выполнять функции всех членов предложения. Эту точку зрения мы также аргументируем следующими фактами:

1. Образозобразительное слово практически всегда можно заменить близким по смыслу словом, которое в свою очередь будет выполнять те же функции (члена предложения), что и звукоподражательное слово. Ср.: *Курни-верни лэдзчис гор вывсынь*. – *Перыта лэдзчис гор вывсынь*. «Быстрехонько (не мешкая) спустился с печи». В случае замены, конечно, теряется колорит текста, образность.

2. Не всегда один глагол связан с определенным образозобразительным словом, поскольку действие может сопровождаться различными звуковыми и зрительными образами. Ср.: *вак-вак*

серёмтчыны «громко рассмеяться», *пильс серёмтчыны* «ухмыльнуться» и др.

3. Довольно часто одно и то же образозобразительное слово способно сочетаться с разными словами, семантика которых отнюдь не совпадает. Ср.: *кира-вара тышкасьны* «драться с криками» и *кира-вара косявны* «с треском порвать (об одежде)».

Одним словом, образозобразительное слово и лексически полнозначный глагол (чаще всего, хотя возможны сочетания и с лексически неполнозначными глаголами, о них см. выше) образуют свободное сочетание и в предложении выступают как два самостоятельных его члена.

Типичные синтаксические функции образозобразительных слов в коми-пермяцком языке – это функции сказуемого и обстоятельства. В роли сказуемого они выступают в сочетании с лексически ослабленными глаголами или самостоятельно. В качестве обстоятельств образозобразительные слова можно рассматривать в том случае, если они зависят в предложении от лексически полнозначных глаголов и реже – прилагательных (*люзь ва* «совершенно мокрый», *дрин пёт* «сытый», *тон кын* «сильно замерзший»).

По нашим наблюдениям, в качестве подлежащего и дополнения способны выступать только звукоподражательные слова. Возможно, это связано с тем, что звукоподражательные слова, в отличие от образозобразительных слов, менее тесно связаны с глаголами. В этих случаях они (образозобразительные слова) могут иметь при себе определение, ср.: *дженытик кырк-кырк* «короткое кырк-кырк», *негора тук-тук* «негромкое тук-тук».

Список литературы:

- Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю.* Современный русский язык. Ч. 3. Синтаксис. М., 1987.
- Бабайцева В. В.* Система членов предложения в современном русской языке. М., 1988.
- Ботева Е., Тудвасева З., Полуянова Н.* Методические указания по коми-пермяцкому языку. Кудымкар, 1991.
- Грамматика современного удмуртского языка:* Синтаксис простого предложения. Ижевск, 1970.
- Кривощекова-Гантман А. С.* Изобразительные слова // Учительлӧ Отсӧт. Кудымкар, 1962.
- Кривощекова-Гантман А. С.* Место изобразительных слов в системе частей речи коми-пермяцкого языка // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология. М.: Л., 1964.
- Коми-пермяцкий язык.* Учебник для вузов, под ред. В. И. Лыткина Кудымкар, 1962.
- Русский язык:* Энциклопедия. М., 1978.
- Сахарова М. А.* Изобразительные слова в коми языке // Советское финноугроведение. № 4. Ижевск, 1949.
- Современный коми язык.* Ч. 1., под ред. В. И. Лыткина, Сыктывкар, 1955.
- Современный русский язык:* Теория. Анализ языковых единиц. М., 2001.

О.А. ПОПОВА
ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РОДНО-
ГО/НЕРОДНОГО ЯЗЫКА В РУССКОЯЗЫЧНОЙ
ШКОЛЕ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ
ИЗУЧЕНИЯ

Предварительный курс изучения родного/неродного языка в русскоязычной школе связан с устной речью и предваряет обучение чтению и письму. Основная задача учащихся на этом этапе: научиться слышать, воспринимать, воспроизводить и понимать речь родного/неродного языка. Усвоение словарного запаса и элементарной грамматики изучаемого языка может проводиться как в начальной школе, так и на факультативном курсе в средних классах. Организация деятельности должна основываться на устном слуховом восприятии родной/неродной речи, в накоплении определенного количества слов и фраз в словарном запасе учащихся, выработке навыков связи слов, построения различных типов предложений, умения создавать небольшие устные тексты.

Формирование речевых умений школьников производится через знание окружающего мира и лексики изучаемого языка, его основных грамматических правил. Развитие речи учащихся происходит при разговоре, беседе учителя с учеником. Тематика при этом может быть разнообразной, но соответствующей программе. В этом случае немалая роль отводится доброжелательной атмосфере общения учителя с учащимися. Ему рекомендуется быть терпимым к речевым ошибкам обучаемых и их исправлениям. После каждого занятия учитель должен проводить анализ урока, анализ ошибок, рассмотреть причины их появления, найти пути их преодоления,